

В статье проводится анализ процессов, происходивших в советское время, характеризуются их этапы. Первый этап рассматривается как прототип всех последующих, как экстремистское обоснование пролетарской идеологии переустройства мира. Второй этап – смена революции на «культурную контрреволюцию». С 50–60 гг. архитектура подчинена строительному комплексу; архитектор эволюционировал в служащего-проектировщика. С застоя прекращаются попытки обновления и реформирования системы. Но пространственный ее компонент, создаваемый усилиями государственного стройкомплекса, заметных изменений не претерпел и продолжил жить под управлением нового российского девелопмента.

Ключевые слова: утопия; коммунизм; проектирование; архитектура; социалистический город; идеология; будущее. /

The article analyses the processes that occurred in the Soviet period and features their stages. The first stage is considered as a prototype of all the succeeding stages, as an extremist ground for proletarian ideology of restructuring the world. The second stage is replacement of revolution with “cultural counterrevolution”. Since the 1950-60s architecture has been subject to the building complex; an architect has evolved into a design officer. During stagnation the attempts to renew and reform the system ceased to be made. However, its spatial component formed by the state building complex did not undergo any noticeable changes and continued to exist under a new Russian development. **Keywords:** utopia; communism; design; architecture; socialist city; ideology; future.

Три утопии (памяти СССР посвящается)¹ / Three Utopias (Dedicated to the Memory of the USSR)¹

Первая советская утопия

Первая советская утопия просуществовала с 1917 по 1932 год, с момента принятия первых декретов Советской власти до статьи И. Гронского в «Литературной газете» о методе «социалистического реализма». Именно первая утопическая модель, рожденная революционным, на сегодняшнем языке – «экстремистским» сознанием, стала прототипом последующих моделей, предельно идеологизированных, политизированных, агрессивных и непримиримых. Если социально-экономическое содержание первой утопии, по крайней мере в общих чертах, казалось достаточно ясным, то пространственное ее предъявление поначалу не вызывало особого интереса власти, озабоченной судьбами мировой революции. Решение этой задачи стало занятием энтузиастов-архитекторов, воспитанных предреволюционной, предвоенной, бунтарской, протестной контркультурой, стремившейся к разрушению и не успевшей подготовить ясные и позитивные архитектурные заявления. Эти заявления возникли позднее по ходу и в процессе перемен, поначалу без прямого вмешательства власти и при участии новых лидеров профессии, относившихся и относимых к «русскому художественному авангарду». Тех, кто еще недавно успешно проектировал и строил церкви, особняки, доходные дома и банки, кто занимался практической коммерческой архитектурой, потеснили теоретики, концептуалисты, визионеры, отвергающие

традиционные ценности и порядки, открытые самым дерзким изменениям, склонные ко всему передовому и прогрессивному, предпочитающие нечто ясное, чистое, рациональное, универсальное и демократичное.

Параллельно с изменением ценностей и предпочтений меняется облик архитектурной деятельности, ее этические основания. Из представителя свободной профессии, из участника рынка коммерческих проектных услуг новый, или современный, архитектор превращается в человека миссии, призванного служить обществу и его интересам. Но если в послевоенной Европе современный архитектор находит общий язык лишь с отдельными экзальтированными и интеллектуальными муниципалитетами, контролируемые социалистами и левыми, то в СССР сферой влияния и объектом воздействия становится вся страна.

За неимением иных предложений, содержащих альтернативу прежнему порядку, власть заключила с авангардом взаимовыгодный и поначалу почти равноправный союз, подобному которому последующая история не знала. Художественный, пластический язык авангарда, бывший предметом увлечения ограниченного круга российских и западных радикалов, неожиданно превратился в официальный, упорно насаждаемый, единственно допустимый к употреблению на всем пространстве СССР. Архитектурный авангард получил едва ли не монопольное

право на формирование зримого облика нового мира, право, которое не было доверено ни живописи, ни кино. Архитектор начинает активно вторгаться в политику, обнаруживая возможность влияния культуры на власть. Он охотно сближается с властью, ощущает себя властью, увлеченно вещает от лица власти и готов не столько к исполнению поручения, сколько к управлению пространственным развитием. Риски и последствия этих отношений и взятой на себя ответственности не замедлили отразиться на судьбах профессии, впоследствии дважды подвергнутой власти суровому наказанию.

Вопреки представлению о множестве архитектурных группировок, претендовавших на роль создателей первой утопии, реально весомым был вклад двух сообществ: ОСНОВА с Ладовским и Докучаевым и ОСА с Веснинским и Гинзбургом. Первые мечтали об архитектуре самостоятельной, свободной от внешнего давления, и главным итогом их деятельности стало создание новой архитектурной школы – ВХУТЕМАСа. Вторые были настроены на активное сотрудничество с властью, на решение практических задач и интеграцию в зарождавшееся на Западе движение функционалистов, навстречу техническому прогрессу и возможностям индустриального производства.

Последующие события практически стерли грань между взглядами представителей осужденного властью архитектурного авангарда

1. Мы публикуем окончание статьи Андрея Бокова. Начало см.: Проект Байкал. – № 62. – С. 37–41 / We are publishing the end of the article by Andrey Bokov. See the beginning of the article in Project Baikal 62, pp. 37–41.

и сильно упростили картину происходившего. Обширное наследие первой утопии не без основания видится сегодня вполне целостным, что подчеркивается отнесением его к «конструктивизму» – русской версии функционализма, исповедуемого, в первую очередь, влиятельными и продуктивными членами ОСА.

Неослабевающий интерес к первой советской утопии несравним с интересом к двум последующим утопическим моделям. Вторая и третья утопии, опиравшиеся на заимствования и принцип «догоняющего развития», представляются скорее явлениями экзотическими, частью уникальной истории советской и российской архитектуры. Конструктивизм и первая утопия – признанная часть мировой истории архитектуры, явление яркое, оригинальное и самобытное, во многом предсказавшее и определившее развитие событий далеко за пределами России 20-х годов прошлого века.

Реализация первой утопии стала целью и содержанием первой пятилетки, последовавшей за НЭПом, за периодом восстановления хозяйства и накопления необходимых ресурсов и инструментов, включая план строительства будущего, нарисованный архитекторами.

И утопии, и авангарду не близки малые дела и постепенные шаги. Электрификация, национализация, индустриализация, коллективизация, воспитание нового человека, организация нового быта охватили все пространство страны вплоть до жилой ячейки и рабочего места.

План ГОЭЛРО, который касался не только электрификации, и последовавшая за ним первая пятилетка по сути превращали страну в единый и единственный объект проектирования с общим инфраструктурным каркасом, собранным из дорог и инженерных сетей. В узлах этого каркаса рядом с крупными промышленными городами вроде Нижнего Новгорода, Казани, Свердловска или на месте малых поселений вроде Кузнецка или станицы Магнитной возникают «социалистические города». Соцгород, новый город, новый район при крупном предприятии – главный элемент новой системы расселения – отбирал и вбирал все доступные ресурсы страны и при этом подчеркнуто дистанцировался от старого города, отделился от него пространственно и стилистически.

Вместо собственного усадебного домика, бывшего основным материалом российского дорево-

люционного города, мало отличавшегося от дома деревенского, предлагается коллективное жилье в виде коек и комнат в общежитиях и коммунальных квартир в бывших доходных и частных домах. Место церковей занимают рабочие клубы, место продуктовых рынков и трактиров – фабрикикухни. Соседские сообщества и муниципальные образования вытесняются производственными коллективами.

Соцгород оказался не столько антитезой старому городу и деревне с собственным семейным домом, сколько приговором, обрекающим их на забвение. Брошенный на произвол судьбы, выживающий вопреки устанавливаемому порядку естественный мир, тем не менее, долгие годы для абсолютного большинства граждан огромной страны оставался неизбежной антиутопической реальностью.

Вторая советская утопия

Начало эпохи второй утопии было отмечено рождением универсального метода «социалистического реализма», а финал – Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР 1955 года «Об устранении излишеств...». Из состояния ресурса и очага мировой революции страна переходит в состояние отдельно взятого изолированного образования, готовящегося к неизбежному столкновению с соседями. Главной задачей становится создание прочного тыла и избавление от внутреннего врага, на роль которого назначались в том числе создатели и носители первой утопии. Иностранные специалисты изгоняются, страна закрывается. Революция сменяется реакцией с признаками «культурной контрреволюции». Леворадикальная риторика, суровая, чистая, правдивая аскетичность первой утопии вытесняются запросом на картину богатства, процветания, сытой и веселой жизни в пышных архитектурных декорациях. Время второй утопии, время большого террора, Отечественной войны, перешедшей в войну холодную, время тяжелейшего послевоенного восстановления оставило в итоге поистине удивительное культурное, в том числе архитектурное, наследие, отмеченное высоким качеством и ценное по сей день.

Вместо теоретизирующих умников, любителей новаций и носителей прозрений к созданию второй утопии были приглашены лояльные и потому выжившие мастера старой школы, дореволюционные академики вроде Жолтовского, Щусева,

Щуко, а также готовые верно служить партии молодые архитекторы вроде Алабяна. Вместо творческих архитектурных сообществ, вместо ОСА и ОСНОВА создается единый Союз архитекторов, а место ВХУТЕМАСа занимает Академия архитектуры. Вслед за писателями, художниками и музыкантами архитекторы превращаются в сплоченный отряд исполнителей воли партии. Архитектора избавляют от прежней ответственности за содержание утопии, предложив сосредоточиться на утверждении высокой профессиональной культуры, градостроительной грамотности, и воспользоваться правом на художественные высказывания в границах дозволенного официального стиля и порядка.

Архитекторы авангарда с почтением относились к инженерному труду и инженерному типу сознания, охотно делили лидерство с инженерами. Архитекторы второй утопии с гордостью ощущали себя художниками и приобрели право контроля над областью, традиционно принадлежавшей инженерам, включая генпланы городов, проектирование каналов, набережных, дорог, мостов, станций метро и т. п. Страна отказывается строить не очень понятный и удобный коммунальный соцгород и возвращается на путь, сходный с тем, которым пошли в XIX веке европейские города.

Заботой профессии становятся не мечты о будущем, а качество решений, качество генпланов, ансамблей, фасадов, деталей и декора – всего того, что впоследствии будет отнесено к «излишествам». Фасад дома, фасад города или центральный ансамбль, наконец, фасад страны, в роли которого выступает столица – Москва становятся главным предметом заботы архитектора и власти, инструментом пропаганды и активного утверждения новой утопии.

Власть жаждет казаться респектабельной, стабильной, понятной, она вбирает все лучшее, что было в окружающем мире в прошлом и есть в настоящем, отвергает все худшее и лишнее с ее точки зрения. Оказывается востребованным и опыт американских небоскребов, и опыт имперского строительства крупнейших городов вроде Петербурга и Одессы, Вены и Парижа. При этом парадные площади, магистрали, бульвары и набережные превращаются в место политических манифестаций и праздников, а небоскреб трансформируется

в постамент памятника Ленину с огромным залом заседаний Верховного Совета СССР внутри.

Принцип создания целостного, завершенного, иерархически выстроенного ансамбля становится универсальным и распространяется на весь созданный после войны соцлагерь. Соцлагерь – это ансамбль стран во главе с СССР, СССР – ансамбль республик во главе с Россией, Россия – ансамбль городов и деревень во главе со столицей. Ансамбли всех уровней создаются по единому генеральному плану, эталоном которого становится сталинский генплан Москвы 1935 года.

Принципиальными особенностями системы в целом, каждого его уровня и компонента становятся герметичность, закрытость, пространственная изоляция и статичность. Все связи идут через вышестоящий центр, каждый город оказывается в той или иной степени закрытым, деревня консервируется и отделяется от города, а любой завод стремится полностью обеспечить себя и комплектами, и жильем, и хлебом. Страна избегает новаций и занята либо ответами на внешние вызовы вроде появления атомной бомбы, либо реализацией отложенных с дореволюционных времен идей вроде освоения Севморпути или строительства ВолгоДонского канала, объявленного одной из великих строек коммунизма.

Призыв к освоению наследия не только погасил волну сноса памятников и церквей, но обозначил переход от тотального уничтожения старой застройки и строительства на новых землях к реконструкции, т. е. к действиям с использованием существующего материала, к учету контекста и отказу от универсальных решений в пользу уникальности.

Монументальный характер сталинской архитектуры, ее претензии на вечность, которой не был изобачен авангард, позволили сформировать ранее отсутствовавший или уничтоженный войной устойчивый планировочный каркас множества городов, их узнаваемый образ, нынче отчетливо ощущаемый как историческая и культурная ценность. Это ощущение – следствие несомненно большей подвижности и ди-

версифицированности сталинской архитектуры в сравнении с архитектурой первой утопии.

Продекларированная властью идея «национальной формы» как важнейшего признака социализма способствовала проникновению в сталинскую архитектуру открытий ардеко того времени, появлению национальных школ и множества вариаций на тему «национального ордера».

Нормой становится типологическое разнообразие массового жилья, появление домов малой и средней этажности, формирующих принципиально иной тип кварталов с несплошной периметральной застройкой и обширным озелененным двором в середине. Легализуются и возвращаются в практику проектирования и строительства односемейные или сблокированные усадебные дома для сел и поселков городского типа, которые еще недавно казались лишенными прав и перспектив.

Возрожденный ансамблевый подход недвусмысленно подчинял отдельные дома логике улицы, площади и двора, т. е. делал интересы открытых пространств приоритетными, исключая появление неорганизованных пустот и пустырей, ставших впоследствии трудно решаемой проблемой российского города. Этот же подход явственно облегчал адаптацию городов инженерной инфраструктуры, строго определяя локализацию сетей, линий метрополитена и транспортных коммуникаций.

Вторая утопия не была бы утопией вне характерного пафоса подчинения, преодоления природы, борьбы с природой. Стратегия колонизации Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока исключала капитуляцию перед холодом и непогодой. Архитектура Норильска не имела права отличаться от официальной архитектуры городов центральной России.

Чем более пышными и торжественными были новые декорации, тем более критичным и ощутимым становился разрыв между утопией и антиутопией, тем короче оказывался путь от «домов на набережной» до ГУЛАГа. Темные и светлые части одного мира, существующие параллельно и тесно связанные, становятся в эти годы практически признаваемым условием существования друг друга, объектами одинакового контроля и внимания со стороны власти.

Третья советская утопия

Третья и последняя советская утопия, запущенная грозным постановлением «Об излишествах...», рождалась во вдохновляющей атмосфере оттепели. Страна впервые за многие десятилетия стала примерять на себя гражданские одежды. Людей в сапогах и погонях на улицах и в кино сменили люди в костюмах и платьях. Власть от военных и спецслужб перешла в руки партийных функционеров. Систему насилия и контроля сменила система партийного управления, которая, однако, унаследовала предельную глубину и широту охвата всего, что происходит в обществе и экономике, во времени и пространстве.

Одновременно с развенчанием сталинской архитектуры протекал демонтаж гигантской тени сталинского режима: шла ликвидация лагерей, началась выдача паспортов жителям сел и деревень, осуществлялось последовательное расселение трущоб, бараков и коммуналок. Миф о внутренних врагах был признан несостоятельным. Строительство коммунизма из политической абстракции превращалось в конкретную задачу ближайших лет. Трагическая раздвоенность, расчлененность страны, на первый взгляд, уходила в прошлое. По торжественному обещанию партии коммунизм должен был наступить в 1980 году. Все, чему не надлежало существовать при коммунизме, включая сталинскую архитектуру и не дождавшийся реабилитации авангард, уходило в прошлое.

Мир, который предстояло строить, по-прежнему был антизападным и антибуржуазным, но менее закрытым и агрессивным, склонным не столько к конфликту, сколько к сосуществованию и мирной конкуренции. На фоне политики большей внешней открытости происходит расширение границ соцлагеря. Вокруг стран народной демократии образуется новое внешнее кольцо латинских и африканских стран, объявивших о строительстве социализма. Главным украшением этого кольца становится социалистическая Куба, с энтузиазмом принявшая утопический концепт.

Отныне бремя основных забот по управлению строительством огромного социалистического мира фактически возлагался на новые всеисильные советские суперминистерства вроде Госплана и Госстроя. В недрах этих структур, рядом с ними усилиями множества неожиданно появившихся рефлексирующих ученых и просто

разумных и образованных людей создавались не только методики работы с огромными и сложными объектами, но и формировалось знание этих объектов, которому было место в системе утопических представлений. Математические и логические модели системы расселения и размещения производительных сил, попытки сбалансировать множество разнонаправленных усилий и интересов, успехи и просчеты в осознании реалий при взгляде из нынешнего времени представляют не вполне осознанную, но, похоже, несомненную ценность.

При этом ликвидируется кузница стили и кадров – Академия архитектуры, и на ее руинах возникает подчиненный Госстрою Госгражданстрой с системой центральных и межрегиональных научно-исследовательских институтов, институтов экспериментального проектирования. Рядом с этими институтами продолжают жить и расти ведомственные проектные учреждения и региональные Гражданпроекты, сосредоточенные на решении не столько художественных, сколько сугубо практических функциональных задач, включая предельную экономию средств и ресурсов.

Физические, пространственные очертания новой утопии столкнулись с воздействием как вполне объективных, так и сугубо субъективных обстоятельств, включая очевидную неприязнь Хрущева к Сталину и к архитекторам, создавшим оболочку сталинского мира. Если кино, литература, музыка и живопись сталинских времен не обнаружили особой жизнестойкости и были вполне бесследно удалены из информационного и культурного пространства, то избавление от сталинского архитектурного наследия потребовало серьезных усилий и стало не менее символическим актом, чем вынос вождя из мавзолея. Суд над «сталинским ампиром» и добротными сделанными «сталинками», которые не вызывали в публичном сознании ни очевидной неприязни, ни скрытого разочарования, потребовал особых усилий, а кампания по борьбе с архитектурой оказалась не менее жестокой, чем еще сталинская борьба с космополитизмом, генетикой и поэзией Ахматовой.

Итог борьбы оказался шокирующе трагичным. Архитектура была отдана в подчинение вновь формирующемуся гигантскому строительному комплексу и пере-

стала считаться важнейшей частью художественной культуры. Труд архитектора приобретал черты труда исполнительного служащего и характером оценок, подходов, и типом сознания. Студентов МАрХИ учат копать землю и вести кладку. Архитектура теряет признаки свободной профессии. Проектирование ведется лишь крупными комплексными государственными проектными институтами, а архитекторы растворяются в огромной массе проектировщиков, одетых в одинаковые белые халаты.

Новое состояние профессии оказалось, однако, не лишенным неожиданных преимуществ. Перестав быть частью культуры и перейдя под контроль строителей, архитектура ушла из под грозившего ей внешнего партийного идеологического пресса. Следствием этого стала возможность заимствования, освоения не только западных технологий, но и специфически художественных, архитектурных настроений и открытий. Погружение в современную культуру после многолетней паузы оказало огромное воздействие на профессиональные представления и облик города. Архитекторы на удивление быстро пришли в себя после пережитого потрясения и энергично откликнулись на призыв партии строить новый утопический мир.

Готовность эта отчасти поддерживалась немногими оставленными за архитекторами атрибутами прежней жизни, вроде почетных званий и творческого союза с домами творчества и клубными радостями. Пространство самореализации резко сузилось, что стимулировало его интенсивное, неожиданное и остроумное обживание.

Третья утопия продолжила и существенно развила главный советский мегапроект, предполагающий создание новых городов на базе огромных предприятий. Задуманные при Хрущеве и реализованные при «раннем» Брежневем Тольятти и Набережные Челны стали не просто тенью ВАЗа и КАМАЗа, но своего рода эталонами правильно организованного социалистического города. Число подобных городов, впоследствии названных «моногородами», к концу эпохи исчислялось сотнями. Более ранний хрущевский мегапроект, оказавшийся менее удачным, был связан с освоением целины и индустриализацией деградирующего сельского хозяйства. Остатки сельских приусадебных хозяйств и неперспективные деревни лик-

видировались за ненадобностью, поскольку вместо них, в том числе на целинных и залежных землях, должны были возникнуть новые агрогорода, огромные и более производительные, чем поразившие Хрущева во время визита в Штаты американские фермы.

Не менее противоречивым, но более успешным оказался мегапроект строительства массового индустриального панельного жилья. Сотни построенных в течение нескольких лет по всей стране заводов начали производство одинаковых, поначалу пятиэтажных, жилых домов. Эти дома стали поводом к появлению не только новых сопутствующих отраслей промышленности гражданского и «двойного» назначения, но способствовали формированию нового, более «городского» образа жизни страны, значительная часть населения которой упорно сохраняла устойчивую связь с землей. И новые, и старые горожане, обитателей коммуналок перебирались в «малометражные», но отдельные квартиры в многоподъездных домах, расставленных в пространстве в соответствии с принципами «свободной планировки».

Именно третья утопия подарила стране модель социально-пространственной организации жизни, замена которой отсутствует по сей день. Суть модели сводилась к безальтернативному зонированию или делению города на жилую и производственную части и к строгой иерархической организации жилой зоны. Главным элементом цепи жилых единиц становится микрорайон, который делится на жилые группы из нескольких многоподъездных домов и входит в один из жилых районов, образующих жилую зону.

В отличие от западных прототипов советские жилые единицы не являлись самоуправляемыми муниципальными образованиями, их природа и параметры определялись устройством социальной инфраструктуры, ступенчатой системы обслуживания, важнейшее звено которой – средняя школа – оказывалось центром микрорайона. Вслед за жильем все объекты социальной инфраструктуры, включая школы, детские сады, поликлиники возводились по типовым проектам. Страна приобретала ранее недоступный гомогенный, единый, подлинный утопический облик.

Типовое окружение и ступенчатое обслуживание стали прямым, наиболее полным и завершенным

воплощением идеи социального равенства, коллективной жизни, бесплатного государственного обеспечения жильем, образованием, медициной, услугами транспорта и ЖКХ. Проблема свелась к тому, что бремя этих издержек в сочетании с огромными расходами на оборону, на поддержание всей соцсистемы оказалось неожиданно непосильным. Но если социальноэкономический компонент утопии распался в одночасье, то ее пространственная оболочка непостижимым образом продолжает сохраняться и воспроизводиться, вопреки сомнениям в ее эффективности и адекватности.

Третья утопия и ее сущностные признаки не были прямыми перевертышами или антитезами принципов и догматов предшественников; она не предполагала реинкарнации или возврата к первой советской утопии. Отвергнутое, осужденное и обесцененное однажды не могло восторжествовать вновь. Заявленный возврат к подлинным ценностям и заветам марксизма-ленинизма вовсе не означал возврата в послереволюционное прошлое. Первый русский авангард хоть и не был запрещен, но и не был до конца реабилитирован. К нему относились как к наивному увлечению молодости, изжитому, преодоленному и не слишком содержательному. Клеймо формализма хоть и переставало ощущаться приговором, трансформировалось в признак неполноценности. Этому способствовало и настроение активных действующих лиц русского авангарда вроде Барща и Синявского, успевших стать убежденными сторонниками академизма и преданными учениками Жолтовского.

Достаточно условным и не вполне адекватным можно считать отнесение всего наследия третьей утопии к «советскому модернизму». Архитектура последнего советского тридцатилетия, за исключением архитектуры массового жилья, не была стилистически столь же едина, что и архитектура предшествующих эпох. Причина очевидного разнообразия архитектурного языка – отсутствие прямого контроля и государственной художественной цензуры. Главным же предметом заботы стройкомплекса было удешевление проектирования и строительства, обернувшееся полной потерей качества, во многом обесценившей усилия архитекторов.

Низкое качество жилья, спроектированного и построенного

под диктатом стройкомплекса, в сочетании с огромными объемами этого строительства, охватившего всю страну, давшего почти две трети нынешнего национального жилого фонда, снизило социальный эффект огромных усилий и фактически привело к разрушению среды и деградации культурных ландшафтов.

Хрущевская утопия парадоксальным образом сочетала строительство коммунизма с решением амбициозной задачи «догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения», что, однако, не было поводом возникновения в общественном сознании, казалось бы, неизбежного «когнитивного диссонанса». Первый осознанный и чувствительный удар по утопии был нанесен фактическим отказом от строительства коммунизма и заменой его «реальным социализмом». Хрущеву, последнему мечтателю, способному «штурмовать небо» и «добиваться победы любой ценой», были предъявлены недвусмысленные обвинения в утопизме, названном «волютаризмом».

С брежневских времен, с застоя начинается процесс деутопизации, ликвидируются признаки коммунистического самоуправления, прекращаются попытки обновления и реформирования системы. Но если социальноэкономическому компоненту третьей утопии было отказано в реализации, то пространственный ее компонент, создаваемый усилиями государственного стройкомплекса, заметных изменений не претерпел и продолжил жить по инерции, перейдя в наши дни под управление нового российского девелопмента.

Рисуемое третьей утопией светлое будущее потеснили жизненные реалии, а обещанный коммунизм заменила Олимпиада80. Миру и стране был наглядно продемонстрирован созданный строителями образцовый социалистический город, полностью избавленный от ненужных примесей, временно скрытых от посторонних глаз или перемещенных за 101 километр.

Самостоятельный позитивный концепт, собственная повестка строительства нового мира по новым лекалам будущего все активнее уступала место удовлетворенности реальным и настоящим движению «от противного», борьбе с «западной» культурой, американским образом жизни и капиталистическим городом. Продвижение утопии

и активная культурная экспансия СССР фактически завершилась еще до вторжения в Афганистан.

Умирающая третья утопия, возможно, могла бы уступить место четвертой, рожденной в процессе перестройки и горбачевских реформ, если бы не известные события, приведшие к отказу от всех и всяческих утопий, от любых предсказаний, стратегий и попыток строительства внятного будущего.

**Андрей Бокон /
Andrey Bokov**